

Ирина Муравьева

Другая жизнь и берег дальний

*Часть сборника
Как я изменил свою жизнь к
лучшему*

Ирина Лазаревна Муравьева

Другая жизнь и берег дальний

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8994250
Другая жизнь и берег дальний: Эксмо; Москва; 2015*

Аннотация

«На свете счастья нет, но есть покой и воля», – сказал Пушкин, но с годами я чувствую, что нет ни покоя, ни воли, а есть, вернее сказать, бывает именно счастье, то есть острое до боли ощущение непередаваемого словами блаженства жизни. Оно наступает по разным поводам: иногда самым крупным, событийным, иногда мелким, как крупички песка. Вчера я проснулась от яркого и ненасытного пения птиц на заре. И почувствовала счастье. Если мне удастся писать прозу, которая передает это состояние или хотя бы соприкасается с ним, – я счастливейший человек!

Ирина Муравьева

Другая жизнь и берег дальний

Пророки страдали косноязычием.

Донося до смертного слуха Божий голос, они истощали все силы, давились, их била падучая.

Чем ближе к истине, тем людям труднее даются слова, и жизнь наша, в сущности, невыразима. Судьба – это не хронология жизни, а тайна ее, ее скрытая сила.

Итак: эмиграция.

Что я видела, когда закрывала глаза, и картина абстрактного для меня перемещения посторонних людей из одного географического пространства в другое тревожила воображение своими размытыми подробностями?

Избитая книжная явь: кудрявый барчук в темно-синей матроске, Цветаева, вся в папиросном дыму, огни парохода, с томительным шумом влекущего русские судьбы к далеким, чужим берегам.

Да, люди хлебнули, и это я знала. А многие и захлебнулись, ушли – в матросках и шляпах – на самое дно, где водоросли оплели их по горло.

Считается, что нигде так не обнажается человеческая природа, как в самых экстремальных ситуациях. Война, напри-

мер. Близость смерти. Блокада.

Но это и так, и не так.

В экстремальных ситуациях человек напоминает раненое животное, у которого затормозились рефлексy и оно кажется мертвым. Единственно важным становится тело, которое нужно сберечь.

Душа замирает в бездействии.

А вот раскрываются люди тогда, когда идет ставка на их личный выбор. Когда им мерещится, что от их воли зависит не только их частная жизнь, но жизнь большинства и движение планет, и ход исторически важных процессов – и много всего, что на самом-то деле не подозревает об их суете. Забыть, что «судьба человека от Господа», как сказано в Библии, проще и легче, чем, скажем, забыть даты жизни и смерти неблизких друзей.

Память наша лукава.

Моя эмиграция – это судьба, но только не в узком, практическом смысле, а именно в том, в каком я понимаю случайность любого большого решения и одновременно – его неизбежность.

Однажды в июле прибило меня волною событий к раскормленной Вене. В ней пахло печеньем, горячим асфальтом, а в парке, куда мы ходили гулять, цветами и травами. На кухне встревоженные переселенцы варили большие и гладкие яйца в огромных кастрюлях, при этом считая чужие доходы. Боялись потратить копейку, но тратили, поскольку во-

круг было много соблазнов: во-первых, конечно, Макдоналдс, а рядом – большой венский рынок. Куда-то нас часто возили гуртом: сажали в автобус со скошенным верхом, и маленький грустный шофер Эдуард считал наши разгоряченные головы. В конторах, куда нас возили гуртом, всегда было много анкет. Боясь ошибиться, соврать чужой власти, мы их заполняли прилежно, как дети.

Все ждали, что будет визит к гинекологу, но этого не было. Только рентген: нельзя завозить с собой туберкулез, а если завез, то сиди в карантине.

Однажды на кухне кудрявый, но с лысиной, блестящей, как таз посреди муравы, работник торговли сказал, что в метро вполне можно ездить без всяких билетов. Какой-то был трюк, но ему не поверили: ты свои советские штучки брось – здесь, милый, Австрия.

Но Австрия перевернула страницу, открылась другая картина: Италия.

Вокзал. На вокзале старуха – вся в розах, больших и бумажных. С тележкой. В тележке – собачка, и тоже вся в розах. Старуха – безумная, все к ней привыкли. Собачка грызет шоколадку кудрявым, ввалившимся ртом...

Зной этого города был еще жестче, чем зной старой Вены. Купаться нельзя: воды мутного Тибра несут в себе грязь и отраву. Мы украдкой плескали на себя из фонтанов, снимали сандалии и погружали в воду отекавшие ноги. Подошвы ка-

сались блестящих монеток: туристы мечтали вернуться обратно и снова увидеть развалины Рима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.